

РАЗДЕЛ 1

ИСТОРИЯ И ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЕ ПРАКТИКИ ИСТОЧНИКОВЕДЕНИЯ. АРХИВОВЕДЕНИЕ И АРХЕОГРАФИЯ. МУЗЕЙНОЕ ИСТОЧНИКОВЕДЕНИЕ

Алексеев В.В.

ВЕЩЕСТВЕННЫЕ ИСТОЧНИКИ: ПОНЯТИЕ И МЕСТО В ИСТОРИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЯХ

Одним из основных векторов развития исторической науки является расширение круга источников, на которые опираются научные исследования. Наиболее интенсивно поиск идет в области письменных источников, которые являются наиболее освоенными и привычными для историков. Для их изучения разработан широкий спектр методологических принципов, арсенал соответствующих поставленным исследовательским задачам методов и методических приемов. В последние несколько десятилетий в научный оборот стали активно привлекать изобразительные источники, что дает основание специалистам говорить о «визуальном повороте» в плане получения новых научных фактов, презентации и трансляции исторического знания [2]. В меньшей степени историки используют иные типы исторических источников – вещественные и фонические. Отчасти это обусловлено тем, что теоретико-методологические положения источниковедческой работы с ними разработаны в недостаточной степени, чтобы дать полноценный исследовательский инструментарий для рассмотрения различных аспектов прошлого. Следует отметить, что историки XIX – первой половины XX в преимущественно ограничивались простой констатацией того, что исследование вещественных остатков «могут отчасти возместить отсутствующие показания письменных источников» [7, с. 5]. Лишь после того, как в 70–80-е годы XX столетия академик И.Д. Ковальченко разработал концепцию природы исторических источников с позиций учения об информации, появилась возможность теоретически четко позиционировать вещественные источники как отдельный тип с учетом специфического способа фиксирования и хранения в них ретроспективной информации [4, с. 106–127].

Впрочем, давнюю традицию изучения материальных предметов, в силу сложившихся в исторической науке специализаций, имеют археологи и этнографы (в последнее время более употребительным становится термин «социальные антропологи»). Но их подход несколько отличается от того, который характерен для источниковедов и обычных историков. Археология, прежде всего, «изучает прошлое до той грани, когда сведения, полученные из письменных источников, подавляют сведения, извлеченные из вещественных источников» [1, с. 5]. Поэтому верхний хронологический горизонт археологии ограничен XV–XVI столетиями и только в отдельных случаях простирает временную границу вплоть до XX века. К тому же, археологи, как правило, изучают комплексы вещей, объединенные между собой культурно-исторически, регионально и хронологически, т.е. те, которые относятся к определенной археологической культуре. Для археолога зачастую важна не сама отдельно взятая вещь, а обстоятельства ее находки – контекст окружения, характеристика культурного слоя и т.д. Связано это с тем, что когда «предмет найден в ходе раскопок, четко привязан к плану в трех измерениях и имеется подробное описание условий его обнаружения, можно с достаточно высокой точностью установить его возраст и принадлежность к конкретной культуре» [3, с. 19].

Этнографов в первую очередь интересуют предметы, которые относятся к традиционной народной культуре, для того чтобы разносторонне изучать бытовые и культурные особенности этносов, а потому они почти не работают с предметами индустриального производства.

Источниковеды, в принципе, разделяют точку зрения археологов и этнологов, что вещи, т.е. рукотворные, отдельно существующие предметы, которые обладают собственной формой, и выполняют или применяются для исполнения определенных функций, являются элементами материальной культуры как таковой [10, с. 34]. Последняя, в свою очередь, детерминирована всеми условиями исторического существования человеческого общества и находится в тесной связи с национальным характером (который формируется в определенной среде обитания), с историей быта и нравов различных социокультурных групп, их верованиями, традициями, привычками и господствующими вкусами и оценками, а также характерным для каждой данной эпохи художественным стилем [5, с. 9].

Но представляется, что с позиций источниковедения как самостоятельного раздела исторической науки надо подходить достаточно широко к определению того, что собой являет вещественный источник. Таковым, думается, следует признать любой аутентичный по происхождению, целенаправленно созданный активным трудом человека из природного или искусственного субстрата

движимый или недвижимый материальный предмет, который обладает свойством длительной физической сохранности, имеет функционально-прикладное предназначение в качестве орудия труда или производства, а также элемента среды обитания человека и обеспечения его жизнедеятельности, и который, одновременно, выступает носителем семантической, социально-психологической и индивидуально-личностной информации.

При этом специфика вещественных источников заключается в том, что в них синкретически слита информация сразу трех типов: *визуальная*, т.е. о зрительно воспринимаемом образе вещи; *тактильная*, дающая представление о материале, из которого вещь изготовлена; *пространственная*, что передает трехмерную объемность вещи и ее месторасположение в пространстве [9, с. 516]. Так или иначе, в любой вещи сочетаются четыре атрибута: онтологический, т.е. бытийный смысл; функциональный смысл; культурно-исторический смысл; культурно-символический смысл [6, с. 45]. Причем они не просто соседствуют или сосуществуют друг с другом в одном объекте, а находятся в системном единстве, т.е. образуют систему функций.

Проблема состоит в том, на что еще указал академик И.Д. Ковальченко, что вещи есть источники невербальные. В них воплощенный результат практической деятельности людей предстает в объективно-синтаксическом смысле. Такую информацию необходимо перевести в более пригодную для познавательных целей синтаксически-субъективную форму, выразить в доступной для восприятия иной знаковой системе – словесной, естественно-описательной, графически-изобразительной или иной [4, с. 121].

С точки зрения источниковедения вещь остается «безмолвной» до той поры, пока в ходе интерпретации не будет восстановлен контекст породившей ее культуры, среда использования и история бытования артефакта.

Задачи источниковедческого изучения вещественных источников заключаются в том, чтобы на основе анализа сущностных характеристик отдельно взятой вещи или их совокупности извлечь максимум информации об обществе времени их бытования и о различных взаимоотношениях внутри социума конкретной исторической эпохи. Для этого требуется установить:

- подлинность и аутентичность вещи;
- правильное название предмета;
- степень сохранности (поскольку старые вещи не всегда сохраняются целиком, а пребывают порой в состоянии фрагментарности);
- функциональное назначение;
- морфологию, материал и технику изготовления;
- такие внешние объективные характеристики, как размер, вес, цвет и пр.;
- дату создания и хронологические рамки бытования;
- место/центр создания и ареал распространения;
- имя автора или именование изготовителя;
- принадлежность к определенной социальной среде и выполняемую роль.

Необходимо также генетически исследовать процессы, обуславливающие появление и дальнейшее существование конкретной вещи, поскольку для каждой эпохи артефакты и их взаимодействие составляют некую социокультурную систему.

Сведения, полученные при анализе вещественных предметов, могут существенно дополнить и уточнить данные научных изысканий, основанных на других типах и видах исторических источников. Так, использование наработок специальных и вспомогательных дисциплин, которые ориентированы на работу с конкретными видами вещественных источников, – фалеристики, униформологии, оружиеведения, нумизматики, вескиллологии и др., – позволяет атрибутировать портреты и иные произведения живописи; уточнять эволюцию денежного обращения; выявлять локальные центры производства и т.д. Но и сами по себе вещественные источники при правильном подходе дают ценную ретроспективную информацию. Например, Е.В. и А.Е. Усачевы посредством анализа донных клейм на гильзах от патронов к стрелковому оружию, употребленных в период боевых действий во время Тобольско-Петропавловской операции (август-октябрь 1919 г.), убедительно показали, что данные артефакты дают возможность установить новые подробности не только отдельных боестолкновений, но также по-новому взглянуть на роль стран Антанты в Гражданской войне на территории России [8].

Таким образом, вещи являются полноценными историческими источниками, воплощая в себе самые разные стороны человеческого бытия. Созданные посредством целенаправленного труда материальные объекты (орудия труда, домашняя утварь, одежда, остатки продуктов питания, предметы быта, монеты, ювелирные украшения, оружие, транспортные средства и т.д.) раскрывают хозяйственно-производственную деятельность человека, его повседневный быт, отражают различные аспекты общественной, политической, духовной, религиозной жизни. Благодаря исследованию

вещественных источников можно выявить наличие и время возникновения конкретных технологий, а, следовательно, изделия кустарного, полукустарного и промышленного производства могут выступать показателями технологических революций, которые сказываются на макроэкономических циклах. С учетом того, что почти любая вещь находится на пересечении утилитарно-практического назначения, индивидуального использования и общественно-политического контекста, можно отслеживать социальную стратификацию, социальные коммуникации, гендерную дифференциацию, устанавливать взаимодействие культурной традиции и кросс-культурных связей. Поскольку часто вещи становятся носителем какого-либо явного или, наоборот, сокрытого для посторонних смысла, то они превращаются в знак, символ, т. е. предстают в качестве носителя семантически наполненной информации. Это дает возможность рассматривать различные стороны духовной сферы бытия людей; ценностные ориентации отдельных индивидов, социальных групп и даже общества в целом в конкретный исторический период.

1. Авдусин, Д. А. Основы археологии / Д. А. Авдусин. – М. : Высш. шк., 1989. – 335 с.
2. Беззубова, О. В. «Визуальный поворот» в гуманитарных исследованиях и историческая наука / О. В. Беззубова // Роль изобразительных источников в информационном обеспечении исторической науки: сборник статей / Е. А. Воронцова ; отв. ред. А. Г. Голиков. – М. : Ин-т науч. инф. по обществ. РАН, 2019. – С. 62–72.
3. Ермаков, С. Э. Неразгаданные артефакты археологии / С. Э. Ермаков. – М. : Вече, 2018. – 336 с.
4. Ковальченко, И. Д. Методы исторического исследования / И. Д. Ковальченко. – М. : Наука, 1987. – 440 с.
5. Леонова, Т. А. Материальная культура Западной Европы в контексте истории повседневности Средневековья / Т. А. Леонова. – Уфа: Вагант, 2008. – 319 с.
6. Никонова, А. А. Артефакт, вещь, музейный предмет/экспонат как исторический источник: тревога смысла / А. А. Никонова // Роль вещественных источников в информационном обеспечении исторической науки.
7. Тихомиров, М. Н. Источниковедение истории СССР : Курс источниковедения истории СССР. (Учебник для ист. фак. ун-тов и пед. ин-тов). – Т. 1 : С древнейших времен до конца XVII в. – М. : Соцгиз, 1940. – 256 с.
8. Усачев, Е. В. Донные клейма на гильзах от патронов к стрелковому оружию как источник информации для изучения Тобольско-Петропавловской операции (август-октябрь 1919 года) / Е. В. Усачев, А. Е. Усачев // Роль вещественных источников в информационном обеспечении исторической науки. – С. 416–421.
9. Шелегина, О. Н. Вещественные источники по этнокультурному наследию Сибири: исследовательские и социокультурные практики / О. Н. Шелегина // Роль вещественных источников в информационном обеспечении исторической науки: сборник статей / Е. А. Воронцова ; отв. ред. Д. М. Бондаренко, Д. Н. Маслюженко. – М. : [б. и.], 2020.
10. Шапова, Ю. Л. Введение в вещеведение: естественнонаучный подход к изучению древних вещей : учебное пособие / Ю. Л. Шапова. – М. : Изд-во Моск. ун-та, 2000. – 144 с.

Румянцева М.Ф.

ВЕЩНЫЙ ПОВОРОТ В КОНТЕКСТАХ ИСТОЧНИКОВЕДЕНИЯ И ГЛОБАЛЬНОЙ ИСТОРИИ

По сути, для гуманитарных наук вещи стали неосозаемыми тогда же, когда они стали «объективными» для точных.
Бруно Латур (1947–2022), французский социолог науки [5, с. 184]

Вещный поворот. Историки и, в первую очередь, социологи заметили, что на протяжении 1990-х годов происходит **вещный (вещественный) поворот** в гуманитарном и социальном познании. Польская исследовательница Э. Доманска в обзорной статье о вещном повороте, констатируя «возвращение к вещам», «поворот к материальному» и «не-человекам», утверждает: «...вещи <...> должны быть включены в историю уже не только как пассивные реципиенты человеческих действий» [2, с. 249]. Не имея возможности в рамках доклада проанализировать разные подходы к причинам и сути вещного поворота, сделаю лишь несколько кратких вводных замечаний.

Обратим внимание на то, что вещный поворот синхронизирован, во-первых, с переходом от третьего поколения Школы «Анналов» с его характерной для постмодерна микроисторией, фактором расцвета которой стал кризис исторического метанарратива (Ж.-Ф. Лиотар), к четвертому поколению Школы, с которым, – при всем его методологическом плюрализме и разнообразии проблематики, – связано восстановление историчности, в первую очередь, через концепцию «мест памяти» (П. Нора), что впоследствии не могло не повлиять на процесс ренарративизации, определяющий современную историческую культуру [см., напр.: 7, с. 170–254].

Вторая реперная точка, относящаяся к тому же 1989 году, – выход в журнале *The National Interest* пресловутой статьи Ф. Фукуямы «Конец истории?» [12]. Не вступая в дискуссию о ценности этого опуса, не могу не отметить его значимость как маркера новой социокультурной ситуации, впрочем, начавшей сразу же меняться, – знаком этих изменений стали события 4 июня 1989 года.

Оба названные фактора теснейшим образом взаимосвязаны (хотя и с некоторым смещением по хронологии): «конец истории» как процесса не мог не сопровождаться кризисом нарратива как хронологически организованного рассказа, презентующего исторический процесс как в целом (т.н. всеобщая история), так и в субъектных его составляющих (национально-государственный нарратив).